

между переходными и непереходными глаголами, объясняемые обычно как «эргативная» черта в номинативных языках: исп. *morir* «убить» и «умереть», напоминающий *il* в баскском, имеющий те же значения.

Вышеизложенное позволяет увидеть в испанских безличных активных (активно-медиальных) конструкциях с возвратной частицей *se*, как и в других синкретичных структурах иберо-романского синтаксиса, пережиток активной типологии, к которой относят и праиндоевропейский язык. Преобразование глубинной структуры выразилось в переносе доминантной классификации из сферы имени в сферу глагола, который начинает различаться по бинарному принципу транзитивности — интранзитивности, заменившему, как это было показано на балто-славянском материале Ю. С. Степановым, древнейшее противопоставление «одушевленность/неодушевленность» [43, с. 36]. Кроме того, очевидная связь рассматриваемых испанских (номинативных) моделей, напоминающих праиндоевропейский тип первоначально безличных форм на -г ряда «неволевого действия» (инактивна, противопоставленного активу) [7, с. 13], с «эргативным пассивом» в баскском (функциональное неразличение переходных и непереходных конструкций, невыраженность лица, производящего действие) дает возможность предположить, как и в случае с использованием одного вспомогательного глагола вместо двух в иберо-романских языках, рассмотренном выше, что формирование конструкций с возвратной частицей непосредственно восходит к местному дороманскому субстрату, особенности которого также можно исследовать на материале языка басков.

Типологически сходные морфологические и синтаксические черты в испанском (номинативном) и в баскском (эргативном) можно непротиворечиво объяснить как остаточные структуры древнейшего для обоих языков активного строя, сущность которого составляли активно-инактивные отношения. Так, в частности, в баскском к шести признакам активного строя, выделяемым на материале кетского языка [44, с. 44]: 1) посессивный характер глагольных форм; 2) отсутствие глагола обладания; 3) полисентитизм глагола (ср. *da-ka-g-t* «это — несу — я»); 4) глагольно-именной синкретизм (способность форманта — *te(tze)* присоединяться как к глаголу, так и к имени: *ibil-tze* «ходить» и *elur-te* «время снегов»); 5) префиксальная структура (*i-go* «поднятый», *e-torr-i* «пришедший»); 6) супплетивизм (*nabil* «я иду», *goaz* «мы идем» при исходной форме *ibilli*), — можно также добавить реликт противопоставления активного класса инактивному, сохранившийся в наличии в баскском двух видов склонения одушевленных и неодушевленных существительных (ср. *gizona-ri* «мужчине» и *mendí-га* «горé»). Недавно в испанистике было высказано предположение о возможной связи формирования активно-безличных конструкций с *se* с появлением предлога *a* при прямом дополнении [45, с. 566], в функции которого выступают одушевленные существительные. Это явление также связывалось с баскским влиянием некоторыми исследователями, обращавшими внимание на дифференцированное оформление одушевленных и неодушевленных объектов — еще один реликт активного строя — в баскском [10, с. 88; 33, с. 160]).

Безличный, бессубъектный характер баскского глагола, по-видимому, также может быть интерпретирован как остаточное явление активной структуры. Предположение о том, что эргативность в баскском типологически связана с безличными конструкциями, было поддержано и развито на большом языковом материале Х. Вагнером [11, с. 37, 52]. При взгляде на безличные конструкции с невыраженным деятелем («эргативный пассив» в баскском и активно-медиальные модели в испанском), исходя из современного языкового состояния, становится очевидным, что они являются промежуточным типом образований, находящихся как бы между эргативными (исключающими образование пассива) и номинативными (предполагающими пассивный тип) структурами.